

Лариса Хващевская

Сублимация Веры Павловны

Лариса Хващевская

Сублимация Веры Павловны

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10009491

ISBN 9785447410056

Аннотация

Что делать, если в твоей самой обыкновенной жизни вдруг происходят необыкновенные события? У кого искать помощи, если ты одинока? В жизни Веры Павловны, скромной учительницы литературы, состоялась странная встреча, которая перевернула ее жизнь. И в какой-то момент стало трудно отличить сон от яви. А вымышленный мир литературных героев от реальности. Новая книга Ларисы Хващевской посвящена году литературы в России.

Содержание

Попытка Веры Павловны	5
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Сублимация

Веры Павловны

Лариса Хващевская

Посвящается году литературы в России

Сексуальное влечение обеспечивает культурный труд огромной массой энергии; это происходит в силу присущей ему способности изменять свою цель, не ослабляя напора. Эта способность менять первоначальную сексуальную цель на иную, несексуальную, но психологически ей близкую, называется сублимацией

З. Фрейд

Википедия: Сублимация – трансформация либидозной энергии в творческую.

© Лариса Хващевская, 2016

© Марина Кметь, дизайн обложки, 2016

ISBN 978-5-4474-1005-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Попытка Веры Павловны

Наверно, нет человека, который любил бы звук будильника. Что она только не пробовала! Ставила на звонок любимую мелодию (после чего сразу начинала ее ненавидеть). Совсем убирала звук, оставляя только вибрацию (по утрам телефон звучал, как мчащийся скорый поезд). Пыталась проспать до того, как должен был раздаться звук. В общем, война велась долго, по всем правилам: с разведчиками, хитроумными планами, взрывами мостов, – но не в ее пользу. Вот и опять Веру Павловну разбудила отвратительная вибрация, напомнившая советскую стоматологию и произведшая тот же эффект. Она подняла голову от подушки и лихорадочно надавила сенсорный экран (дьявольское изобретение человечества!) Кстати, что всегда удивляло Веру Павловну: разблокировать экран специально часто не удавалось, а вот если ухом во время разговора, то – пожалуйста. Как любила ядовито замечать подруга: «Это просто у кого-то очень толстые щеки!» Мысленно Вера Павловна лихорадочно прикинула, какой сегодня день недели, и поняла, что не воскресенье. Что-то показалось ей необычным в привычной утренней тишине, но сил анализировать еще не было. Не открывая глаз, она повернулась на бок, подогнула колени – все, как учила тренер по йоге (45 – возраст все-таки!), и села на диване. На секунду, буквально на секунду, мелькнула слад-

ко-предательская мысль: «Еще 5 минут!» Но была отвергнута. Утренняя ежедневная борьба с собой закончилась победой долга перед Отечеством, и Вера Павловна открыла, наконец, глаза.

То, что произошло дальше, трудно описать словами. Ужас быстро заполнил ее с головы до ног, дыхание стеснилось, а сердце, вначале остановившееся, билось, как после долгого бега. Дедушка Фрейд, а Вера Павловна любила дедушку Фрейда, называл это состояние ощущением кризиса рождения. «Всякое состояние беспокойства есть болезненные ощущения первого отделения от матери». Если бы Вера Павловна была дамой 19 века, она бы, вскрикнув, картинно упала в обморок. Но Вера Павловна любила психологические триллеры, поэтому к ужасу примешивался болезненный интерес. Напротив дивана в кресле в предрассветных сумерках неясно вырисовывался темный силуэт. Станным образом фигура становилась все отчетливее. Хотя в комнате по-прежнему было темно, вокруг кресла образовывалось некое сияние. Теперь уже стало видно, что в кресле сидел пожилой седовласый мужчина. Выглядел он весьма импозантно, как какой-нибудь представитель искусства. Это-то, несмотря на «кризис рождения», Вера Павловна (как настоящая женщина) успела отметить. На нем был замшевый терракотовый пиджак, рубашка в мягком бежевом тоне, умело завязанный шейный платок. В руках у незнакомца была трубка, и улыбался он весьма приветливо.

«Эвона как, – мелькнуло у начитанной Веры Павловны, недаром, что была хорошим учителем литературы. – Видение Степы Лиходеева. Не хватает только столика с водкой и закуской». Надо, наверно, сказать о том, что Вера Павловна очень любила литературу. Ее профессия позволяла читать много и с удовольствием. Вера Павловна преклонялась перед классиками, благоговейно их перечитывала. Мечтала быть похожей на булгаковскую Маргариту (Ну, а кто не мечтал! Большинство женщин вообще любят ассоциировать себя с кошками и Маргаритой, что, думается, ума им в глазах мужчин не прибавляет). Она была одинока и, кроме литературы, любила котов. Вернее, кота. Полосатый Матвей сидел сейчас совершенно спокойный на подлокотнике кресла и удивленно смотрел своими круглыми глазами на изумление хозяйки. К чудесам Вера Павловна относилась скептически. Поэтому лихорадочно соображала, где поблизости может находиться какой-нибудь тяжелый предмет. Она, как пишут в романах, дорого собиралась продать свою жизнь.

– Доброе утро. Меня зовут Егор Петрович Книжный, – голос у него оказался низким, но очень приятным.

– Что вы здесь делаете? – почему-то шепотом спросила Вера Павловна, поняв, что до ближайшей лампы на письменном столе ей не дотянуться.

– Я жду, когда вы проснетесь.

– Давно? – ничего глупее этого вопроса Вера Павловна не задавала, но это почему-то было интересно.

– Ну, – Егор Петрович достал из нагрудного кармана часы на явно золотой, почему-то блеснувшей в полумраке цепочке, – минуты две. Да вы не тревожьтесь, Вера Павловна. Я совершенно не представляю для вас угрозы, а вот вы...

Егор Петрович убрал трубку в другой нагрудный карман пиджака, скрестил руки и грустно вздохнул. «Ну, да... «А иностранец безопасен», – мелькнуло у Веры Павловны.

– Что вам от меня нужно?

– Вопрос сформулирован неверно. Раз я здесь, скорее всего вам, уважаемая Вера Павловна, что-то нужно от меня.

– Слушайте, – Вера Павловна на самом деле почему-то перестала бояться. Может, от того, что Матвей, совершенно разомлев, перебрался на колени к незваному гостю и, кажется, собирался устроиться там всерьез и надолго. Учитывая, что кот этот не отличался храбростью и на каждый неожиданный шорох испуганно таранился в пустоту, можно было незнакомца действительно не опасаться.

– Он лияет, – машинально предупредила Вера Павловна.

Кот надменно и демонстративно лизнул пару раз переднюю лапу и закрыл глаза.

– Слушайте, – снова сказала Вера Павловна, – только честно: я сошла с ума? Как сходят с ума учителя географии, я знаю. У нас во дворе жила старая учительница географии: она летом гуляла в теплом пальто, а зимой в легком халате. Перепутала сезоны. А у учителей литературы это вот так происходит?

– Какая-то фантазия у вас небогатая, – хмыкнул Егор Петрович. Чем-то напоминал он ей известного режиссера Виктюка (театральностью манеры общения что ли?).

– Чуть что мало-мальски выходящее за рамки обыденности, так сразу и сошла с ума!

– У меня работа вредная, – буркнула Вера Павловна, шаривая тапочки. Она покосилась на кота и на секунду похолодела, ей показалось, что Матвей совершенно по-человечески ухмыльнулся. – И что же в таком случае мне от вас надо?

– Может по чашке чая? Утро все-таки.

– Подождите, – возмутилась Вера Павловна, – мало того, что вы непонятным образом попали ко мне в квартиру («Значит, вы вошли, переставили мебель. И ширму нашу фамильную умыкнули», – зазвучал в голове Веры Павловны голос Лукашина из разошедшегося на цитаты фильма). Ничего мне не объясняете, так еще и чаю?

– Да, – констатировал Егор Петрович, – вредная у вас не только работа. А мне, думаете, больше делать нечего, как в такое раннее утро сидеть у вас в кресле и ждать вашего пробуждения!

Кот на коленях Егора Петровича открыл глаза, обиженно посмотрел на хозяйку (не любил он разговоров о линьке) и, чтобы усилить эффект, отвернулся.

– Как вас там? Егор Петрович? Кто вы такой в конце концов? Хватит меня мистифицировать.

– И не думал даже. Книжный. Я же представился.

Вера Павловна развела руками:

– Мне это что-то должно говорить?

– Ну, вспомните ваш любимый, кстати, совершенно далекий от оригинала гениев Стругацких, фильм «Чародеи». Помните, товарищ Брыль в поезде объясняет Ивану, что есть домовые, а он – вагонный. Ну?

– Ага. А вы – книжный?

– Так точно.

– В книгах живете? – с естественным в данной ситуации сарказмом уточнила Вера Павловна.

– Почти. Скажем, – Егор Петрович сделал замысловатый жест рукой, – в мире литературы. Страж, так сказать, традиций, правил. И вы, к сожалению, представляете для нас угрозу.

– И... вам приказано меня уничтожить? – снова испугалась Вера Павловна, осознающая тем не менее абсурдность происходящего.

– Азazelло было легче объясняться с Маргаритой Николаевной, чем мне с вами. Что вы – литературный персонаж? Перепишу я вас что ли? – Егор Петрович, кажется, даже обиделся.

– Могу я все-таки сменить пижаму на что-нибудь более подходящее?

– А это, конечно. Я тут пока полюбопытствую.

Егор Петрович вместе с мягко спрыгнувшим на пол котом вышли в коридор, вся стена которого от пола до потолка бы-

ла заставлена книгами.

Вера Павловна не знала, как вести себя, когда сошел с ума. Ну, на работу-то точно идти не придется, поэтому, подумав, она решила не соблюдать дресс-код и влезла в свои любимые джинсы (преданные анафеме в школе: «сегодня носит „Адидас“, а завтра родину продаст») и белую рубашку. На всякий случай, вдруг увозить будут прямо сейчас, надела мокасины. Провела щеткой по волнистым рыжим волосам. Подумала еще и решила не краситься.

– Да, – уважительно отметил Егор Петрович, – библиотека у вас действительно чудесная. Долго собирали?

Вера Павловна вышла в коридор:

– По наследству передается.

– Мм... Люди обычно бриллианты по наследству передают. А у вас... Вы – вымирающий вид.

Замечание про вымирающий вид Вере Павловне явно не понравилось, особенно слово «вымирающий», все-таки опасения у нее оставались.

– Итак, что вы, Вера Павловна, от меня хотите?

– Я?! – Вера Павловна даже задохнулась от возмущения.

На кухне подозрительно загремели чашки и хлопнула дверца холодильника. Вера Павловна опять похолодела:

– Вы что же не один пришли?

– «Один, один, я всегда один», – хорошо поставленным голосом процитировал Егор Петрович и сделал приглашающий жест в сторону кухни.

– Ничего, что я распорядился?

Стараясь не перейти на бег, Вера Павловна рванулась на кухню. На столе стояли чашки с чаем, в вазочке поблескивало клубничное варенье. А на тарелке лежали аккуратные бутерброды. Кроме кота, который сидел на табурете, аккуратно подобрав лапки, на кухне никого не было. Вид у него был презрительный, впрочем, как и всегда, когда он бывал на кухне.

Они церемонно сели за стол. Справа спиной к окну Егор Петрович, напротив – Вера Павловна. Матвей остался сбоку и спрыгивать не собирался. Все это могло бы походить на семейное чаепитие, если бы не походило на сумасшедшее чаепитие Алисы с мартовским зайцем.

– Видите ли, Вера Павловна, вы вчера на уроке, изучая роман «Преступление и наказание», – Вера Павловна удивленно приподняла бровь, а Егор Петрович продолжил. – Сказали вещь не то, чтобы крамольную, но опасную.

Вера Павловна молчала, ковыряя ложечкой в варенье.

– Вы ведь обсуждали с детьми теорию Раскольникова?

– Уже нельзя обсуждать?

– Можно, помилуйте. Но среди всего прочего вы высказались насчет того, что хотели бы изменить ход событий. И остановить героя. Не ради старухи-процентщицы, а ради него самого.

– Какое это имеет отношение? – начала было Вера Павловна.

– Минуту терпения. И я знаю, что у вас появилась мм... скажем... мысль переписать что ли.

Вера Павловна вспыхнула. Егор Петрович невозмутимо продолжал пить чай. Матвей, не мигая, смотрел на нее круглыми, чуть раскосыми глазами (признак породы ацекет). В них сквозило изумление. Еще никогда на кухне не ели без него.

– Не может быть, – не успела сформулировать до конца Вера Павловна.

– Как раз может, – пояснил Егор Петрович, – вы сами после соответствующей тренировки сможете читать мысли. Хотя некоторые мысли вообще не стоят чтения. Так о чем я? Да. И даже подумывали, прости, Федор Михалыч, переписать роман.

– Не в этом дело. Просто, – Вера Павловна ощутила себя школьницей на экзамене. – Я подумала, что это слишком мрачно: добиваться счастья таким страданием. Если бы рядом с Раскольниковым оказался кто-то, способный переубедить, понять его. Тогда не надо было бы кровь проливать.

– Угу. Ну, я даже не говорю сейчас о ваших законах. Об авторском праве, например...

– Я ведь для себя!

– Поэтому и не говорю. Но в нашем мире тоже существуют правила. Кто такие литературные герои, по-вашему? Пластилиновые куклы, вылепленные авторами?

Вера Павловна машинально подлила чай в чашку Егора

Петровича и пододвинула варенье. Ситуация настолько вышла за рамки разумного, что спасти могли только какие-то совершенно обыденные вещи.

– Это скорее, у плохих авторов так, – заметила она, поправляя салфетки на столе.

– Именно! – поднял палец Егор Петрович. – Стругацкие, например, продумывали досконально сюжет, героев. А по ходу действия понимали вдруг, что таким образом герой поступать не может. Ну, не такой у него характер.

– И?

– И они переделывали сюжет, чтобы сохранить достоверность характера, – торжественно заключил Егор Петрович.

Кот молчал, но явно гипнотизировал аппетитный ломтик сыра. Вера Павловна положила сыр на край стола. Матвей подцепил его когтем и отправил в розовую пасть. После чего, не обращая ни на кого внимания, наслюнявил лапу и, далеко забирая за ухом, стал умываться.

– То, что вы хотите сделать, – продолжал Егор Петрович, – может нарушить равновесие.

– Да подождите. Вон их сколько! Тех, кто переснимает. Переписывает. Ремейки. Ремиксы. И ничего не нарушается. Даже закон.

– Ваш случай особый. Известно, что вы можете сделать это слишком хорошо.

Вера Павловна порозовела от смущения.

– А вы что-нибудь мое читали? Я же не печатала.

– Вам ли не знать, что для того, чтобы книга жила, ее совершенно не обязательно печатать. Как это... «Ваш роман прочитали»

Вера Павловна прижала руки к уже пылающим щекам.

– Вы, безусловно, талантливы, Вера Павловна. Именно поэтому я здесь. Вы настойчивы и храбры, а потому я предлагаю вам нечто вроде эксперимента. Я могу перенести вас в Петербург Достоевского. У вас будет возможность попытаться все изменить. Только одна попытка.

– А если она удастся? Как же равновесие?

– А еще вы наивны, – удовлетворенно заметил Книжный, снова вынул часы на золотой цепочке. «Да времени у нас не очень много, – бормотал он, – 5 минут она сказала...»

– Итак, попытка одна. И есть условия.

– Никогда не ходить в северное крыло замка?

– Почти. Вы не можете участвовать в произведении наравне с героями, вас никто не должен видеть.

– Каким же образом? – возмутилась она и тут же, услышав шум сбоку, повернула голову.

Кот сидел на раскрытой странице книги «Преступление и наказание».

– Страница 34, – по памяти процитировал Егор Петрович, – «Возвратившись с Сенной, он бросился на диван и целый час просидел без движения...» ...так это пропускаем, – бубнил Книжный. – А вот: «Наконец он почувствовал давящую лихорадку, озноб и с наслаждением догадался, что

на диване можно и лечь. Скоро крепкий, свинцовый сон налег на него, как будто придавил. Он спал необыкновенно долго и без снов». Книга с шумом захлопнулась, и Матвей, сделав несколько кругов, сел на обложку.

Вера Павловна все еще не понимала.

– Я помещу вас в его сон. Именно потому, что сна не было. У вас будет возможность говорить с ним.

– Но кем же я представлюсь? – Вера Павловна чувствовала, что ее, как Раскольникова, начинает бить озноб. Она уже перестала думать о нереальности происходящего. Это была уникальная возможность, и Вера Павловна сожалела только о том, что нет времени подготовиться к этому разговору. Вообще, она утратила способность удивляться. И даже то, что рассвет все не наступал, а за окнами призрачно чернели деревья со спящими на ветвях воронами, не поражало воображение. И мысль о сумасшествии тоже не пугала. «Надо будет спросить-таки у Стравинского, что такое «шизофрения», – улыбнулась она про себя и снова посмотрела на Егора Петровича.

– То есть вы согласны на мои условия?

Вера Павловна согласно кивнула.

Все, что произошло потом, Вера Павловна впоследствии не могла вспомнить целой картиной. Какие-то обрывки эмоций, чувств, мыслей. Яркие вспышки. Сначала ей показалось, что Егор Петрович раскурил трубку и сладковатый, тончайший дым медленно заполнил кухню. Вера Павловна

на секунду зажмурилась, а когда открыла глаза, увидела себя сидящей в каком-то странном белом саду, под облетающими лепестками, кажется, это были цветы яблони. Они засыпали скамью, лежали на траве, как свежий снег. Свет был тоже странный, приглушенный, какой можно увидеть туманным утром или в сумерках. Пахло травой, свежестью и еще чем-то очень знакомым. Кажется, так пахли распускающиеся только по вечерам цветы матиоллы в бабушкином палисаднике. «Какое же это время года? – подумала Вера Павловна. – Цветущие весной яблони и летние цветы. Здесь, похоже, нет времени». От этого аромата или от необыкновенного мягкого света ее тревога совершенно прошла.

– Кто вы? Что вы здесь делаете? – юноша, сидящий на скамейке рядом, был очень хорош собой, только почти призрачно бледен. Белокурые волосы спускались к щекам, в прядях тоже запуталось несколько белых лепестков. Но самое удивительное были глаза, темно-серые, глубокие, с темными густыми ресницами. С него бы картины писать! Он не выглядел испуганным, скорее удивленным. Видимо, иногда измученная тяжелыми воспоминаниями и планируемым страшным убийством память отпускала его. Вера Павловна мельком взглянула на себя и поняла, что ее джинсы и рубашка сменились длинным белым платьем со свободными рукавами. «Я – приведение. Дикое, но симпатичное», – чуть не вырвалось у нее.

– Скажем, я твоя совесть. Ты часто разговаривал

со мной? – то ли утвердительно, то ли вопросительно сказала Вера Павловна. Юноша не удивился. Видимо, он все-таки ожидал чего-то подобного и лишь усмехнулся:

– Не вижу смысла. Не понимаю, о чем я могу с тобой говорить.

– Хотя бы о людях.

Юноша откинулся на спинку скамьи:

– Почему я должен о них говорить или думать? Разве кто-нибудь из них думал обо мне?

Вера Павловна огляделась и поняла:

– А ты знаешь, почему мы здесь? Где так спокойно и безмятежно.

– Я умер? – снова усмехнулся он.

– Не знаю. Это твои детские воспоминания. И этот сад. И ты. Ты был добр и чист. И любил весь мир.

«Вера Павловна, мне не хотелось бы вмешиваться, – она вздрогнула голос Книжного раздался прямо в ее голове, – вы начнете с самого сотворения мира? Времени не так уж много». Вера Павловна снова вздрогнула: в траве мелькнула полосатая спина.

– Да помню, – откликнулся юноша, – это было давно.

– Ты любил людей. Ты хотел блага для них. Ты верил.

Он покачал головой:

– Я не люблю людей. И я больше не верю. Этот мир полон зла и мерзости. И жертва, которую принес Иисус, не имеет смысла.

Он сказал это так, как будто продолжил начатый когда-то разговор

– Это неправда. Все имеет смысл после нее. Иисус показал, каким может и должен быть человек.

– Зачем он искупил человеческие грехи? – с вызовом спросил Раскольников, – пусть каждый расплачивается сам. Они не заслужили.

– Разве любовь можно заслужить? Она дается просто так, как дар. В этом ее величие. И в этом надежда. В этом смысл жизни, наверное.

– Нет никакого смысла! – юноша злобно засмеялся. – И люди спустя тысячу лет по-прежнему ничтожны.

– Все?

– Все. И миром правит не любовь, как он думал. Миром правят деньги.

– Ну, да, – подумала Вера Павловна. – «Я искала любви и не нашла, так буду искать золота».

– Вы еще способны на саркастические замечания в такой ситуации? – заметил у нее в голове Егор Петрович.

– Не сводите меня с ума. В литературоведении это называется «снижение образа».

– Переходите к делу. Вы не книжку пишете, – ворчал Егор Петрович. – У вас пять минут.

Вера Павловна снова решила, что эти пять минут длятся подозрительно долго, но ничего больше не сказала.

– Я знаю про твою теорию, – вернулась она к Раскольни-

кову.

Он сморщился, как от боли:

– И что? Будешь меня упрекать, мучить?

– Нет, хочу указать на некоторые несообразности.

Вера Павловна поднялась и стала медленно прохаживаться по странной, словно застывшей в безветрии траве.

– Позволю себе напомнить.

– Ну, да. Это твое любимое занятие. Я сошел с ума или сплю? – впервые поинтересовался юноша.

– Спишь, – успокоила его Вера Павловна. – Итак, ты, немного поразмыслив над своей нескладной жизнью, понял, что тебе хочется всего и сразу. Поправь, если я ошибусь.

– Пока все правильно. Кто бы этого не хотел, – в его голосе слышался мальчишеский вызов, чем-то сейчас напомнил он Вере Павловне ее не признающих компромисса учеников.

– И поскольку сделать что-то великое у тебя не получилось, ты обиделся на людей, на мир, на несправедливо устроенное общество.

– А ты считаешь, что все справедливо? – вспыхнул юноша. – И вообще перестань ходить взад-вперед! «Раз это мой сон, то должно же быть по-моему?» – уточнил он.

Вера Павловна села на скамью и положила ногу на ногу. Потом, подумав, что неприлично совести так себя вести, села, как благовоспитанная дама.

– И ты, озлобясь, стал размышлять над жизнью. Ничтоже сумняшеся разделил людей на высших и низших.

Видно, было, что юноша получает от этого разговора какое-то болезненное удовольствие. Каждое слово Веры Павловны вызывало в нем чувство гордости что ли.

– Высшим можно все. То есть абсолютно все для достижения своих целей. Низшие созданы для удобства высших. Все так? – Вера Павловна все-таки положила ногу на ногу.

– Что не устраивает тебя в этом?

– Ты решил, что если человеку высшему для достижения цели надо... убрать с пути сколько-то бесполезных, никчемных, то он может и даже должен это сделать без угрызений совести... То есть моих угрызений, – добавила Вера Павловна (при этом услышав смешок Егора Петровича). Юноша побледнел, кажется, еще больше. «Не упал бы в обморок», – подумала Вера Павловна с жалостью и вдруг вспомнила, что они во сне.

– Ты считаешь это деление безупречным?

– Да.

– Позволь спросить, куда бы ты отнес в таком случае мать, сестру? Известную уже тебе девочку Соню Мармеладову? Тех, ради кого собственно ты якобы и собираешься совершить задуманное.

Повисла пауза, прерываемая только его тяжелым дыханием. Он закрыл лицо руками.

– Надо же их куда-нибудь отнести. Они же люди! А ненавидимый тобой господин Лужин и Свидригайлов? Если Дуня из низших, – жестко продолжала Вера Павловна, хотя

сердце ее сжималось от жалости. Не убийцей был этот молодой человек, а заблудившимся во тьме. – И такой вот высший господин Лужин уже начал использовать материал. Что же ты так противишься? Это же твоя теория на практике.

– Это нечестно, – почти по-детски сказал юноша и медленно побрел по траве дальше, пока его не скрыл туман.

Оказывается, бежать в длинном платье весьма неудобно. Особенно, когда впереди тебя, все время стараясь запутаться в твоих ногах, бежит неизвестно откуда взявшийся кот. «Спасибо, хоть мокасины оставили!» Вере Павловне показалось, что впереди река. Со стороны тумана доносились прохладные волны. Она шагнула в эту молочную смесь и двигалась в ней неизвестно куда. Платье, на удивление, не становилось сырым. Теперь ее ноги неслышно ступали по шуршащему песку. Окликнуть юношу она не решалась. Река появилась неожиданно. Вдруг выплыла из небытия. Течения почти не было заметно, плеска воды тоже. Как будто и не вода это была вовсе, а старое серое зеркало. Юноша стоял, прижавшись лицом к дереву, росшему на берегу. Вера Павловна подошла ближе и тронула его за плечо. Оно было теплым.

– Родя, – тихо позвала Вера Павловна. Он обернулся. Его щеки блестели от слез.

«Может быть, если ты еще не научился плакать, не все потеряно», – подумала она. А потом вдруг он резко озлобился, черты его лица исказила безобразная гримаса. Это был тот случай, когда красота вызывает отвращение. Он почти

кричал:

– Да. Все так. Довольна?! Я и сам пока неизвестно кто! И нравственность – вещь относительная. В каком-нибудь диком племени едят друг друга, и это считается весьма нравственным.

– Мы тоже едим друг друга, – тихо проговорила Вера Павловна. Перемена неприятно поразила ее.

– Я устал. Я не хочу больше тебя слушать.

– Тебе придется.

– Это мой сон. И я сейчас проснусь.

– Это наш сон. И ты меня дослушаешь. В последнее время мой голос был почти не слышен. Ты заглушал его громкими мыслями.

Раскольников скрестил руки на груди. С лица его не сходило надменное выражение. И очень это выражение стало злить Веру Павловну.

– Понимаешь ли ты, что ты – человек обыкновенный. Я бы сказала заурядный. Избалованный в детстве. Привыкший, что мир вертится только вокруг него. Потом непризнанный и обидевшийся. Поэтому ты и собрался идти проверять.

Юноша заметно вздрогнул всем телом.

– Лужин бы проверять не пошел. Он знает. Сама мысль проверить является ответом на вопрос «кто ты».

– Я не ради себя...

– Какая цель у тебя? В чем твоя великая идея?

Юноша молчал, словно застигнутый врасплох.

– Тысяча добрых дел перевесит одно преступление.

– Тысяча добрых дел – это абстракция! И все, что с тобой происходит, это как раз от нежелания дела.

– Ты не понимаешь, – он снова переменялся, стал отчаянно жестикулировать и, кажется, не заметил, что с реки потянуло холодом. Гладкая еще несколько мгновений назад поверхность покрылась рябью, словно потрескавшееся от удара зеркало. «К несчастью, – мелькнуло у Веры Павловны. И по телу его пробежала дрожь, то ли вызванная холодными порывами, то ли нервным напряжением.

– Ты не понимаешь, – повторил он, – эти знаки. Они повсюду. Этот странный человек в трактире со своей гнусной историей. Этот разговор о мерзкой старушонке. И наконец, сегодня, – он торжествующе поднял палец, – я точно знаю, – он подошел почти вплотную, глаза его лихорадочно блестя. – Старуха точно будет в 7 часов вечера одна. Понимаешь ли? Точно.

– И ты пойдешь и убьешь?

– И я пойду и убью, – тихо повторил он и вдруг снова закрыл лицо руками.

– Родя, – она снова коснулась его руки.

– Не смей называть меня так! Роди больше нет.

– Есть. Уж мне ли не знать! – она почти силой усадила его на траву. Испуганное шипение раздалось где-то рядом. Кто-то уходил по траве, явно стараясь производить побольше шума. Но юноша этого не заметил, настолько он был по-

гружен в свои переживания

– Ты не говоришь о других знаках. А твои сны? Ты же не такой. Ты способен на самопожертвование. Способен вынести детей из пожара, способен поддержать больного товарища. Ты способен к сочувствию. А это редкость во все времена. Поверь мне. Ты не способен на жестокость, разве что по отношению к самому себе.

Ничего нельзя было прочесть на лице молодого человека. Поднимался ветер, колючий, холодный. Теперь было слышно, как тревожно шумят деревья. Очарование этого странного места исчезало на глазах. Вера Павловна сделала последнюю попытку:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.